

Научная статья

УДК 340.12

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.43-58

Власть и управление в условиях глобализации

Мария Вячеславовна Кича

Ростовский филиал, Российский государственный университет правосудия, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
kichamv@mail.ru

Аннотация

Введение. Вопросы власти и управления в условиях глобализации являются одной из наиболее животрепещущих тем западных общественных наук, затрагивая широкий спектр отраслей научного знания – от социологии, политологии, социальной и политической философии до экономики и юриспруденции. Декларируемые глобалистами перспективы исчезновения государства как суверенного субъекта правоотношений либо кардинальной трансформации данного устоявшегося политико-правового явления, стремительное развитие неправительственных и некоммерческих организаций, цифровая революция, повышение уровня информатизации общества и многие другие факторы реальности, не имевшие места в предыдущие столетия, порождают закономерные вопросы об осуществлении власти и управления в новых сложившихся условиях. Изучение данной проблематики имеет новизну для отечественной юридической науки, поскольку указанная тема еще не рассматривалась российскими учеными-юристами.

Методы. В настоящем исследовании применены диалектический, социологический, исторический и герменевтический методы. Названные методы использованы во взаимодействии с целью получения синергетического эффекта.

Результаты исследования. В результате комплексного анализа выявлены главные аспекты авторской концепции власти и управления в условиях глобализации применительно к современности, а также сделаны прогнозы относительно описанной ситуации в ближайшем будущем.

Обсуждение и заключение. Данная статья, в отличие от иных исследований, родственных по тематике и целевому назначению, предлагает комплексный анализ власти и управления в условиях глобализации в их современном и актуальном виде. Автор учитывает тесную взаимосвязь глобализации, власти и властеотношений с историческим наследием, региональными особенностями и объективными факторами правовой реальности.

Ключевые слова: власть, управление, глобализация, глобализм, государство, право, властеотношение, частный сектор, третий сектор, правительство, неправительственная организация, некоммерческая организация

Для цитирования: Кича М. В. Власть и управление в условиях глобализации // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 43–58. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.43-58.

Original article

Power and Governance in the Context of Globalization

Maria V. Kicha

*Rostov Branch, Russian State University of Justice, Rostov-on-Don,
Russian Federation
kichamv@mail.ru*

Abstract

Introduction. Issues of power and management in the context of globalization are one of the most pressing topics in Western social sciences, affecting a wide range of branches of scientific knowledge – from sociology, political science, social and political philosophy to economics and jurisprudence. The prospect of the disappearance of the state as a sovereign subject of legal relations, declared by globalists, or a radical transformation of this established political and legal phenomenon, the rapid development of non-governmental and non-profit organizations, the digital revolution, an increase in the level of informatization of society and many other factors of reality that did not take place in previous centuries, raise natural questions about the exercise of power and control in the new prevailing conditions. The study of this issue is new for domestic legal science, since this topic has not yet been considered by Russian legal scholars.

Methods. In this study, dialectical, sociological and hermeneutical methods are applied. The above methods are used in conjunction to obtain a synergistic effect.

Results. As a result of a comprehensive analysis of power and management in the context of globalization, the main aspects of this concept in relation to modern times have been identified, and forecasts have been made regarding the described situation in the near future.

Discussion and Conclusion. This article, unlike other articles related in topic and purpose, offers a comprehensive analysis of power and management in the context of globalization in their modern and relevant form. The author takes into account the close relationship of globalization, power and power relations with the historical heritage, regional characteristics and objective factors of legal reality.

Keywords: power, management, globalization, globalism, state, law, power relations, private sector, third sector, government, non-governmental organization, non-profit organization

For citation: Kicha, M. V., 2024. Power and governance in the context of globalization. *Pravosudie/Justice*, 6(3), pp. 43–58. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.43-58.

Введение

Актуальность выбранной темы в наши дни не вызывает сомнений. Проблематика власти и управления в условиях глобализации приобретает особую специфику с учетом современных реалий, когда социально-политические, юридические, экономические и военные события, явления и процессы столь тесно переплетены друг с другом, что определяют ситуацию в разных концах земного шара.

Теоретической базой для развития исследуемой темы стали основные и новейшие публикации ряда зарубежных ученых. Однако никто из них не рассматривает проблему комплексно, каждый автор изучает определенный (иногда довольно узкий) аспект указанной тематики. Среди основных подобных исследовательских «срезов» выделяются следующие: власть в условиях глобализации как шанс создать эффективный надгосударственный механизм защиты прав человека (С. Бессон), влияние глобализации на миграцию (Е. Форнале) и статус отдельных категорий лиц (Ф. Мегрэ), экзистенциальный конфликт власти и государственной системы с правами человека (С. Смет). Некоторые авторы изучают особенности правозащитных механизмов в условиях глобализации либо правозащитную практику отдельных международных организаций, отдавая себе отчет в том, что как нарушение, так и защита прав человека неизбежно сопряжены с разнообразными аспектами власти и управления (Дж. Беккер, В. Милано).

Введение в научный оборот основных положений публикаций указанных авторов может содействовать интеграции зарубежного правового опыта и теоретических разработок в отечественную юридическую науку. В целом их проблематика охватывает основы теории власти и властеотношений, а также ее практическую реализацию с учетом международной и зарубежной правовой (в частности, судебной) практики, актуальные статистические данные и особенности методологии, характерной для западной общественной науки. При этом в процессе исследования автор столкнулся с определенными трудностями, как то: большой объем исследуемого материала, его многоаспектность и необходимость увязать воедино не только сугубо юридические, но также исторические, социальные и иные факторы объективной реальности. Некоторые вопросы продолжают оставаться нерешенными – например, разработка методологических рекомендаций для правохранительных организаций, должностных лиц и официальных органов, осуществляющих власть и управление на региональном и международном уровнях.

Методы

Объект исследования представлен общественными отношениями, складывающимися в области власти и управления в условиях глобализации.

Методология исследования обусловлена сложностью и многогранностью его объекта. *Диалектический метод исследования* позволил выявить противоречия и разночтения в формулировке и сущности отдельных аспектов глобализации, власти и управления. *Социологический метод* предоставляет возможность отследить, какое влияние на власть и управление оказывают нормы неправовые (нормы обычаев, традиций, религиозные и др.). Различия в подходах к пониманию различных явлений и процессов обуславливают необходимость применения герменевтического метода исследования.

Результаты исследования

Термин «глобализация» получил распространение в 1990-е гг. и обозначает реальные фундаментальные изменения, которые имеют глубокие последствия для политики, экономики, военной деятельности и окружающей среды. Глобализация влияет на власть и управленческие процессы и одновре-

менно зависит от них. Экономические кризисы (как, например, в 1997–1999 гг.), социальные потрясения и прочие катаклизмы дают понять, что, если не удастся эффективно управлять некоторыми аспектами глобализации, она может оказаться не только неустойчивой, но и губительной.

Глобализм – это состояние мира, включающее сети взаимозависимости на многоконтинентальных расстояниях [Mittelman, J. H., 2017, p. 322–325]. Эти сети могут быть связаны посредством потоков и влияний капитала и товаров, информации и идей, людей и сил, а также экологически и биологически значимых веществ (таких, как кислота, дождь или патогены). Глобализация и деглобализация характеризуют рост или упадок глобализма.

Глобализм имеет два особых качества.

1. Глобализм относится к сетям связей (множественным отношениям), а не просто к отдельным связям. Мы можем говорить об экономической или военной взаимозависимости между Соединенными Штатами и Японией, но не о глобализме между Соединенными Штатами и Японией. Взаимозависимость США и Японии является частью современного глобализма, но сама по себе глобализмом не является [Fornalé, E., 2011, p. 601].

2. Чтобы сеть взаимоотношений считалась «глобальной», она должна включать в себя многоконтинентальные расстояния, а не просто региональные сети [McGoldrick, D., 2005, p. 30–32]. Расстояние является непрерывной переменной, варьирующейся от границы с соседним государством (например, между США и Канадой) до противоположного конца земного шара (например, от Великобритании до Австралии). Таким образом, любое резкое разграничение «дальней» и «региональной» взаимозависимостей является произвольным, и нет смысла подводить под эту категорию отношения конкретных государств – скажем, Японии и Индии или Египта и ЮАР. Однако было бы неправильно использовать термин «глобализм» для обозначения непосредственных региональных отношений. Глобализация означает сокращение расстояний, но в больших масштабах. Ее можно противопоставить локализации, национализации или регионализации [Merry, S. E., Davis, K. N., Kingsbury, B., 2017, p. 198–199].

Яркий пример глобализации – это распространение ислама из Аравии в Азию на территорию нынешней Индонезии; но распространение индуизма по Индийскому субконтиненту таковой не является [Shah, N. A., 2011, p. 202]. Связи между странами Азиатско-Тихоокеанского форума экономического сотрудничества (АТЭС) квалифицируются как многоконтинентальная взаимозависимость, поскольку в число этих стран входят государства Северной и Южной Америки, Азии и Австралия; но Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) является региональной.

Глобализм не предполагает универсальности. На рубеже тысячелетий четверть населения Америки пользовалась интернетом по сравнению с 0,01% населения Южной Азии. Сегодня у большинства людей в мире нет телефонов; сотни миллионов крестьян живут в отдаленных деревнях и имеют крайне слабую связь с мировыми рынками или глобальным потоком идей [Berry, S. E., 2011, p. 438]. Действительно, глобализация сопровождается увеличением разрыва между богатыми и бедными. Она не подразумевает гомогенизации или равенства.

Согласно теории глобализации интегрированный мировой рынок будет обеспечивать свободное движение товаров, людей и капитала, а также конвергенцию процентных ставок. Впрочем, подобные предположения далеки от реальности. Во второй половине XX в. объемы мировой торговли росли невиданными ранее темпами, а общий объем прямых иностранных инвестиций в экономики различных государств в три раза превысил мировой объем производства, но, несмотря на все это, Великобритания и Франция сегодня лишь немного более открыты для торговли, чем в 1913 г., а Япония – даже в меньшей степени [Riley, S., 2008, p. 736]. По некоторым оценкам, рынки капитала были более интегрированы на заре XX в., нежели сейчас, а рабочая сила в наши дни менее мобильна, чем в XIX в., когда 60 млн человек не только активно перемещались внутри Европы, но даже покинули ойкумену и двинулись в Новый Свет (из-за войн и преследований, по экономическим причинам и т. д.) [Obokata, T., 2012, p. 607]. К тому же религиозные убеждения и другие глубоко укоренившиеся ценности часто приводили к конфликтам.

Диаметрально противоположным взглядом на подобные конфликты выступает дуалистическое и весьма символичное представление о США: восприятие Соединенных Штатов как «Великого Сатаны», которого придерживается режим исламского фундаментализма в Иране, и возведение протестующими студентами на площади Тяньаньмэнь в Пекине (1989) копии Статуи Свободы (т. е. видение в США образца для подражания, цитадели демократии и силы, способной дать освобождение от диктатуры либо вдохновить на него). Очевидно, что как в социальном, так и в экономическом плане из глобализации не обязательно следует гомогенизация.

Взаимозависимость и глобализм представляют собой многомерные явления, но слишком часто определяются в сугубо экономических терминах. Следует помнить, что не менее важны и другие формы глобализма. Миграция – давнее глобальное явление. Человеческий вид начал покидать место своего происхождения, Африку, около 1,25 млн лет назад и добрался до Америки где-то между 30 000 и 13 000 лет назад. Одной из важнейших форм глобализации является биологическая. Первая эпидемия оспы зафиксирована в Египте в 1350 г. до н. э. Она достигла Китая в 49 г., Европы – после 700 г.; Америки – в 1520 г. и Австралии – в 1789 г. Чума («черная смерть») зародилась в Азии, но, распространившись, убила от четверти до трети населения Европы в период с 1346 по 1352 г. Когда европейцы путешествовали в Новый Свет в XV–XVI вв., они несли с собой патогены, уничтожившие тысячи представителей коренного американского населения. Впрочем, не все последствия экологического глобализма оказались неблагоприятными: например, питание и кухня Старого Света выиграли от импорта таких культур Нового Света, как картофель, кукуруза и помидоры. Военная глобализация берет свое начало по крайней мере с эпохи Александра Македонского 2300 лет назад, – в результате его походов возникла империя, простиравшаяся от Афин до Инда. Действительно, завоевания Александра сыграли колоссальную роль для внедрения западной мысли и эллинистического общества в восточный мир.

Мы можем выделить несколько *форм глобализма*, помня, что каждая из них неразрывно связана с властью и управлением:

- **экономический глобализм** включает в себя циркуляцию потоков товаров, услуг и капитала на больших расстояниях, а также информацию и представления, которые сопровождают рыночный обмен. Кроме того, экономический глобализм предполагает организацию процессов, связанных с этими потоками: например, организацию низкоквалифицированных производств в Азии для рынков США и Европы. Действительно, некоторые экономисты определяют глобализацию в узкоэкономических терминах как «перенос технологий и капитала из стран с высокой заработной платой в страну с низкой заработной платой» и, как следствие, «рост трудоемкого экспорта из стран третьего мира» [Londono, P., 2009, p. 659];

- **военный глобализм** относится к сетям взаимозависимости на больших расстояниях, в которых применяются сила, а также угроза или обещание ее применить. Наглядным примером военного глобализма является «баланс террора» между Соединенными Штатами и Советским Союзом во время «холодной войны». Стратегическая взаимозависимость обоих государств была острой и общепризнанной. «Холодная война» привела к созданию международных альянсов, а каждая из противоборствующих сторон могла уничтожить другую с помощью межконтинентальных ракет в течение тридцати минут. Данная ситуация была особенной – но не потому, что была кардинально новой, а потому, что масштаб и скорость развития потенциального конфликта, способного возникнуть из-за взаимозависимости, были огромны;

- **экологический глобализм** означает перенос на большие расстояния в атмосфере или океане материалов либо биологических веществ – таких, как патогены или генетические материалы, – которые влияют на здоровье и благополучие человека и иных живых существ. Среди примеров – разрушение стратосферного озонового слоя в результате воздействия озоноразрушающих химикатов; антропогенное глобальное потепление (если оно имеет место); распространение СПИДа из Центральной Африки по всему миру, начавшееся на закате 1970-х гг. Как и в других формах глобализма, важна передача информации как напрямую, так и посредством движения генетического материала, а также косвенно – в результате выводов, сделанных на основе материальных потоков. В целом экологический глобализм может быть вполне естественным: Земля переживала периоды потепления и похолодания еще до того, как воздействие человека стало значительным, но большая часть недавних изменений вызвана деятельностью человека;

- **социальный и культурный глобализм** предполагает движение идей, информации и образов, а также людей, которые несут с собой идеи и информацию. Примеры включают движение религий или распространение научных знаний. Важным аспектом социального глобализма является имитация практики и институтов одного общества другими: то, что некоторые социологи называют «изоморфизмом» [Deinla, I., 2019, p. 201]. Однако часто социальный глобализм следует за военным и экономическим глобализмом.

Можно представить себе и другие измерения. Например, политический глобализм может ассоциироваться с той частью социального глобализма, которая относится к идеям и информации о власти и управлении. Его мож-

но измерить эффектом имитации (например, конституционных механизмов или количества демократических государств) либо распространением государственной политики или политических режимов того или иного вида [Dobratz, B., Waldner, L., 2019, p. 224–238].

Правовой глобализм может относиться к распространению юридической практики и институтов по различным вопросам, включая мировую торговлю и криминализацию военных преступлений главами государств [Harrison, B. C., 2022, p. 173–178].

Глобализация происходит и в других измерениях – например, в науке, развлечениях, моде и языке. Одна очевидная проблема с рассмотрением всех этих аспектов глобализма как измерений, аналогичных тем, которые мы перечислили, заключается в том, что, когда категории множатся, они перестают быть полезными. Поэтому, чтобы избежать такого расширения, мы рассматриваем эти разновидности глобализма как подвиды социального и культурного глобализма.

Политический глобализм представляется не отдельной формой, а аспектом любого из вышеуказанных четырех видов. Почти все формы глобализации имеют политические последствия. Например, Всемирная торговая организация (ВТО), Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), Монреальская конвенция и специализированное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) являются ответом на экономическую, военную, экологическую и социальную глобализацию. После событий в Косово и Восточном Тиморе идеи о правах человека и гуманитарных интервенциях в противовес классическим формулировкам государственного суверенитета стали центральной темой Генеральной Ассамблеи ООН 1999 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан утверждал, что в глобальную эпоху «коллективный интерес является национальным интересом»¹, а президент Южной Африки Табо Мбеки заявил, что «процесс глобализации обязательно переопределяет концепцию и практику национального суверенитета» [Nour, A., 2020, p. 7]. Президент Алжира Абдельазиз Бутефлика, глава Организации африканского единства, ответил, что он не отрицает право северного общественно-го мнения осуждать нарушения прав человека, но «суверенитет – это наша последняя защита от правил неравноправного мира», и «мы (Африка. – М. К.) не участвуем в процессе принятия решений»². Это были дебаты о политических последствиях социальной и военной глобализации, а не о политической глобализации в отличие от ее социальных и военных аспектов.

Рассуждая о глобализации, власти и управлении, необходимо помнить, что под *властью* мы подразумеваем способность оказывать воздействия на поведение других лиц, а под *управлением* – процессы и институты, как

¹ Kofi Annan. Secretary-General presents his Annual Report to the General Assembly. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/1999-09-20/secretary-general-presents-his-annual-report-general-assembly> (дата обращения: 31.08.2023).

² R2P After 9/11 and The World Summit. URL: <https://wilj.law.wisc.edu/wp-content/uploads/sites/1270/2012/02/weiss.pdf> (дата обращения: 31.08.2023).

формальные, так и неформальные, которые направляют и ограничивают коллективную деятельность той или иной социальной группы. Правительство – это подмножество, которое действует в соответствии с определенными полномочиями и создает формальные обязательства. Власть и управление не обязательно должны осуществляться исключительно правительствами и международными организациями, которым они делегируют полномочия. Частные фирмы, ассоциации фирм, неправительственные организации (НПО) и ассоциации НПО – все участвуют в процессе управления, осуществления власти и властеотношениях, часто в сотрудничестве с государственными органами, но иногда и без полномочий правительства [Amos, M., 2015, p. 552–554].

Вопреки радикальным глобалистским взглядам, национальное государство не исчезнет и не будет ничем заменено в качестве основного инструмента внутренней и глобальной власти. Существует обширная литература о влиянии глобализма на власть и управление, которая, на наш взгляд, позволяет сделать более тонкие выводы. В частности, о том, что национальное государство дополняется другими игроками (частным и так называемым «третьим сектором», т. е. некоммерческими организациями) в более сложной социально-политической географии. Национальное государство является наиболее важным действующим лицом на арене глобальной политики, но оно не является единственным важным действующим лицом. Если рассматривать социальное и политическое пространство как матрицу, то большая часть властной и управленческой деятельности будет происходить за пределами рамок, представленных национальными столицами национальных государств [Dastoor, N. F. 2020, p. 44–53].

Более сложными выглядят не только география власти и управления, но и их формы на всех трех уровнях. Власть может осуществляться посредством законов, иных социальных норм и иных инструментов (экономических, технических и т. д.). Например, можно замедлить движение транспорта в районе, введя ограничение скорости, вывесив дорожные знаки (допустим, «Дети»), взимая плату за въезд в район или установив на проезжей части «лежачих полицейских». В то же время частные фирмы – как и представители «третьего сектора» – оказывают давление на правительства с целью создания благоприятных правовых режимов внутри страны и на международном уровне. Результатом является не устаревание национального государства, а его трансформация и создание и осуществление политики в новых формах и на новых оспариваемых пространствах [Milano, V., 2017, p. 708].

Многие авторы, говоря об управлении глобализмом, используют так называемую «внутреннюю аналогию» [Gear, A., 2007, p. 524–527]. Люди часто думают о глобальном управлении и власти как о глобальном правительстве, потому что им хорошо знакома внутренняя аналогия в виде государственного аппарата. В соответствии с указанным образом мышления если национализация американской экономики в XIX в. привела к национализации американского правительства, то глобализация мировой экономики должна привести к созданию мирового правительства [Bekker, G., 2013, p. 509–514]. Но структура федерализма уже существовала в Соединенных

Штатах, и она опирались на общий язык и политическую культуру (хотя даже это не предотвратило кровавую гражданскую войну в 1861–1865 гг.).

Литература о влиянии глобализма на власть и управление обширна. По нашему мнению, наиболее убедительные работы сходятся в формулировании ряда общих выводов, гласящих, что национальные государства будут продолжать играть важную роль во власти и управлении, а внутренние структуры государств будут иметь решающее значение для их способности адаптироваться к глобализации и ее последствиям.

Во-первых, важно не переоценить масштабы перемен в ближайшем будущем. Глобальной экономической интеграции предстоит пройти долгий путь. Со строго экономической точки зрения это можно считать «неэффективностью», но с точки зрения политико-экономической ситуации ее можно назвать «полезной неэффективностью», которая обеспечивает буфер для внутривнутриполитических разногласий, одновременно обеспечивая открытость для глобальной экономики. Со временем – и с развитием рыночной интеграции – данная «полезная неэффективность» сойдет на нет. Национальные политические системы вызывают глубокие последствия, которые не легко стереть с помощью технологий. Например, исследования канадского экономиста Джона Хелливелла показывают, что даже в Северной Америке национальные границы оказывают мощное влияние на экономическую активность. Торонто торгует с Ванкувером в десять раз активнее, чем с Сиэтлом. Электронная коммерция бурно развивается, но все еще составляет небольшую часть от общего объема торговли даже в Соединенных Штатах [Helliwell, J. F., 2002, p. 16–17].

Особо отмечается, что, несмотря на разговоры об исчезновении политической автономии, «глобализация не спровоцировала повсеместную политическую гонку к неолиберальному дну среди стран ОЭСР, а правительства, которые упорно придерживались интервенционистской политики, не были неизменно сбиты с толку и не понесли ущерб из-за бегства капитала» [Chakravarty, A., 2017, p. 590].

Во-вторых, хотя глобализация и может оказывать мощное воздействие на социально-экономическое неравенство и политику распределения материальных благ, сегодня ее влияние все равно не так очевидно, как в XIX в. Универсальные предположения о росте неравенства и о том, что «бедные становятся беднее», слишком просты. Прежде всего необходимо различать внутреннее и международное неравенство. В целом, исходя из теоремы Хекшера – Олина, мы должны ожидать увеличения неравенства в богатых странах (по причине наличия там капитала и высококвалифицированной рабочей силы, которые «уходят в плюс» за счет неквалифицированной рабочей силы), однако в развивающихся странах «линия неравенства» должна выровняться. Это теоретический расклад, но реальность может быть куда сложнее, чем теория, следовательно, характер политической системы и ее институциональная слабость могут иметь решающее значение в развивающихся странах [Besson, S., 2006, p. 327].

С экономической точки зрения дешевая рабочая сила в бедных странах выигрывает от торговли и миграции; страдает дешевый труд в более богатых странах. Данное утверждение, безусловно, было верно в конце XIX в.,

учитывая масштабы миграции («силы конвергенции конца XIX в. включали конвергенцию цен на сырьевые товары и расширение торговли, технологическое отставание и накопление человеческого капитала, но главной силой явно была массовая миграция» [Hodžić, E., 2020, p. 528]).

Современная глобализация в гораздо меньшей степени обусловлена трудовой миграцией, чем в XIX в., поэтому нынешние выводы и аргументы неоднозначны. Глобализация в форме торговли между богатыми и бедными странами, вероятно, приведет к увеличению неравенства доходов в богатых странах, как и предсказывали Хекшер и Олин, но при этом бедными странами зачастую являются страны с низкой заработной платой и неразработанными природными ресурсами. Вместе с тем Соединенные Штаты сейчас импортируют природные ресурсы, параллельно являясь страной с высокими заработными платами. Таким образом, на международной основе эта форма глобализации может привести к расхождению, а не к конвергенции. Миграция, которая порождает конвергенцию, сейчас значительна, но далеко не так важна, как в XIX в. [Eekelaar, J., 2002, p. 183].

В богатых странах существуют и другие потенциальные причины роста неравенства, в частности технологии и меняющийся состав рабочей силы. По общим оценкам, на торговлю может приходиться от 5% до 33% увеличения разницы в заработной плате. Не будем отходить от основной темы исследования, однако стоит отметить, что подобные оценки в аналитической экономической литературе не мешают «глобализации» в целом нести политическую вину за усиление неравенства доходов. Даже если технологические изменения, ориентированные на повышение квалификации, являются основной причиной увеличения неравенства доходов в богатых странах за последние три десятилетия, глобализация будет политически спорной [Smet, S., 2017, p. 500–501].

В-третьих, влияние глобализации на государство существенно различается в зависимости от политико-экономической системы. Один из способов рассмотрения данной проблемы – это так называемые «производственные системы». В рыночных системах глобализация приводит к неравенству доходов, поскольку рыночные цены на квалифицированную рабочую силу растут, а разделение труда расширяется. В социал-демократических государствах «всеобщего благосостояния» трансфертные выплаты ограничивают неравенство доходов, но результатом этого является безработица. В системах японского типа глобализация оказывает давление на систему пожизненного найма и другие аспекты, обеспечивающие благосостояние через корпорации, а не государство. Общий смысл заключается в том, что глобализация взаимодействует с внутренней политикой и внутригосударственной властью; неверно ни то, что глобализация повсюду приводит к одним и тем же последствиям (а тем более – разрушает государство всеобщего благосостояния либо государственную власть), ни то, что глобализация вообще не важна, ни на что не влияет и не имеет никакого значения. Чтобы справиться с последствиями глобализации, можно выбрать множество возможных путей в зависимости от истории, структур и господствующих в обществе взглядов, ибо идея единой «золотой смирительной рубашки» нежизнеспособна [Helliwell, J. F., 2009, p. 7–17].

Очередной актуальный вопрос власти и управления в условиях глобализации заключается в том, приведет ли грядущая эра глобализации к фундаментальным трансформациям государственно-правовых явлений. Известно утверждение, что государство как внешне суверенный субъект «уйдет в прошлое», однако пока нет объективных причин соглашаться с данным тезисом. Согласно знаменитому афоризму, «чем больше вещи меняются, тем больше они остаются прежними». Испокон веков проблемы внутри страны и за рубежом проверяют характер государств. Некоторые государства терпят неудачу, а другие успешно проходят испытания, и их в наше время достаточное количество; кроме того, они формируют и поддерживают международную систему именно как систему государств и межгосударственных отношений.

Делая ставку на выживание государства как политико-правового феномена, нельзя не учитывать появление других важных игроков и ограничения, которые они могут наложить на государственный суверенитет. Вместе с тем не следует упускать из виду тот факт, что современные государства устойчивы и изобретательны. Конечно, их границы становятся более проницаемыми, а меры контроля – более проблематичными для реализации, но перспективы внутренней власти и управления отнюдь нельзя назвать простыми. Ярчайшим образом это видно на примере интернета. Первоначально интернет был структурирован хакерами с либертарианской антиправительственной культурой, но коммерция быстро изменила «глобальную паутину». Коммерческие процедуры аутентификации учетных данных создали основу, которая делает возможным частное регулирование в сети, а присутствие крупных коммерческих структур создает цели для осуществления государственного регулирования [Kanosue, Y., 2015, p. 647–652]. Хотя сообщения глобальной электронной коммерции свободно пересекают границы, процессы, посредством которых они производятся, часто предполагают реконфигурацию физического пространства. Саския Сассен говорит о «переносе политики» из национальных столиц в глобальные города, образующие «новую экономическую географию центральности, которая пересекает национальные границы и старое разделение между Севером и Югом»³.

Итак, на данный момент есть все основания полагать, что власть и управление по-прежнему будут сосредоточены в национальном государстве. Государственная власть останется критически важной, как и распределение власти между государствами. Однако сам образ государства уже претерпевает значительные изменения, поскольку теперь государственные органы тесно связаны с субъектами частного и третьего секторов. Роль трансправительственных сетей и транснациональных отношений всех видов будет увеличиваться. Параллельно возникнут смешанные коалиции, поскольку, как показывает практика, правительства и НПО/НКО могут эффективно взаимодействовать друг с другом и с транснациональными корпорациями.

³ Sussen S. Embedded Borderings: Making New Geographies of Centrality. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/21622671.2017.1290546> (дата обращения: 02.09.2023).

Обсуждение и заключение

Глобализация, безусловно, оказывает сильное влияние на власть и управление в государствах, однако оно далеко от того, чтобы привести к ликвидации национального государства. Существование «полезной неэффективности», сохранение национальной политической культуры и традиций означает, что государство по-прежнему является ключевым институтом власти и управления. Вместе с тем внутренняя политика государства будет находиться под воздействием эрозии экономической неэффективности, напряженности вокруг перераспределения материальных благ и экономического неравенства, которые сопровождают глобализацию, а также возрастающей роли транснациональных игроков и субъектов третьего сектора.

Нормотворчество и интерпретация правил стали плюралистичными. Частные фирмы, НПО, НКО, а также транснациональные и трансправительственные сети играют в этом свою роль, причем зачастую вместе с центральными государственными органами и межправительственными организациями. В результате любая формирующаяся модель управления должна быть сетевой, а не иерархической, и должна иметь минимальные, достижимые, не слишком амбициозные цели.

Нельзя списывать со счетов сценарий, при котором политическая база межправительственных организаций либо ведущих государств окажется слишком слабой, чтобы поддерживать высокий уровень власти, властеотношений и управления в условиях глобализации. Это может привести к тупику и разочарованию, но результаты такого тупика не ясны. Теоретически они могут обусловить ограничение глобализационных процессов, отход от новых властных институтов и возвращение к концепции национального государства, как это случилось после 1914 г. Однако подобного в настоящее время вряд ли стоит ожидать всерьез.

Возможна проработка других направлений – например, развитие квазисудебных процессов на международном уровне, «мягкое законодательство» и эффективное управление конкретными проблемными областями путем использования транснациональных и трансправительственных сетей. Маловероятно простое повторение прошлого или возврат к миру изолированных национальных государств. Сейчас совершенно очевидно, что глобализм уже не исчезнет, вопрос в том, каким образом он будет регулироваться.

Список источников

- Amos M. The Second Division in Human Rights Adjudication: Social Rights Claims under the Human Rights Act 1998 // Human Rights Law Review. 2015. Vol. 15, issue 3. P. 549–568. DOI: 10.1093/hrlr/ngv015.
- Bekker G. The African Commission on Human and Peoples' Rights and Remedies for Human Rights Violations // Human Rights Law Review. 2013. Vol. 13, issue 3. P. 499–528. DOI: 10.1093/hrlr/ngt019.
- Berry S. E. Bringing Muslim Minorities within the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination – Square

- Peg in a Round Hole? // *Human Rights Law Review*. 2011. Vol. 11, issue 3. P. 423–450. DOI: 10.1093/hrlr/ngr014.
- Besson S. The European Union and Human Rights: Towards A Post-National Human Rights Institution? // *Human Rights Law Review*. 2006. Vol. 6, issue 2. P. 323–360. DOI: 10.1093/hrlr/ngl001.
- Chakravarty A. Truth Commissions: Memory, Power and Legitimacy // *Human Rights Law Review*. 2017. Vol. 17, issue 3. P. 589–591. DOI: 10.1093/hrlr/ngx021.
- Dastoor N. F. The Responsibility to Refine: The Need for a Security Council Committee on the Responsibility to Protect // *Harvard Human Rights Journal*. 2020. Vol. 22. P. 25–62.
- Deinla I. Legal Hybridity, Trust, and the Legitimacy of the Shari'ah in the Bangsamoro // *Law and Policy*. 2019. Vol. 41, issue 2. P. 198–219. DOI: 10.1111/lapo.12123.
- Dobratz B., Waldner, L. *Power, Politics, and Society: An Introduction to Political Sociology*. London : Routledge, 2019. 875 p. ISBN-10: 1351392963.
- Eekelaar J. Personal Rights and Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2002. Vol. 2, issue 2. P. 181–197. DOI: 10.1093/hrlr/2.2.181.
- Fornalé E. Making People Illegal: What Globalization Means for Migration and Law // *Human Rights Law Review*. 2011. Vol. 11, issue 3. P. 600–603. DOI: 10.1093/hrlr/ngr018.
- Grear A. Challenging Corporate 'Humanity': Legal Disembodiment, Embodiment and Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2007. Vol. 7, issue 3. P. 511–543. DOI: 10.1093/hrlr/ngm013.
- Harrison B. C. *Power and Society: An Introduction to the Social Sciences*. Oxford : Oxford University Press, 2022. 434 p. ISBN: 0495096717.
- Helliwell J. F. *Globalization and Well-Being*. Vancouver : UBC Press, 2002. 107 p. ISBN: 0774809922.
- Helliwell J. F. *Well-Being and Public Policy*. Vancouver : UBC Press, 2009. 212 p. ISBN: 0195334078.
- Hodžić E. Testing the Limits of Consociational Imagination: The Non-discrimination Norm in Divided Societies // *Human Rights Law Review*. 2020. Vol. 20, issue 3. P. 526–554. DOI: 10.1093/hrlr/ngaa029.
- Kanosue Y. When Land is Taken Away: States Obligations under International Human Rights Law Concerning Large-Scale Projects Impacting Local Communities // *Human Rights Law Review*. 2015. Vol. 15, issue 4. P. 643–667. DOI: 10.1093/hrlr/ngv026.
- Kuhn P. Y. Reforming the Approach to Racial and Religious Hate Speech Under Article 10 of the European Convention on Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2019. Vol. 19, issue 1. P. 119–147. DOI: 10.1093/hrlr/ngz001.
- Maitra I., McGowan M. K. On Racist Hate Speech and the Scope of a Free Speech Principle // *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. 2010. Vol. 23, issue 2. P. 343–372.

- Merry S. E., Davis K. N., Kingsbury B. The Quiet Power of Indicators: Measuring Governance, Corruption, and Rule of Law // *Human Rights Law Review*. 2017. Vol. 17, issue 1. P. 196–202. DOI: 10.1007/9781139871532.
- Milano V. The European Court of Human Rights' Case Law on Human Trafficking in Light of *L.E. v Greece*: A Disturbing Setback? // *Human Rights Law Review*. 2017. Vol. 17, issue 4. P. 701–727. DOI: 10.1093/hrlr/ngx031.
- Mittelman J. H. Reimagining Globalization: Plausible Futures // *Globalization: Past, Present, Future*. 2017. Vol. 4, December. P. 320–332. DOI: 10.1525 /luminos.172.u.
- McGoldrick D. Multiculturalism and its Discontents // *Human Rights Law Review*. 2005. Vol. 5, issue 1. P. 27–56. DOI: 10.1093/hrlrev/ngi002.
- McGoldrick D. The Development and Status of Sexual Orientation Discrimination under International Human Rights Law // *Human Rights Law Review*. 2016. Vol. 16, issue 4. P. 613–668. DOI: 10.1093/hrlr/ngw030.
- Nour A. National Sovereignty and Globalization // *European Journal of Economics, Law and Politics*. 2020. Vol. 7, no. 3. P. 2–13.
- Obokata T. Anne Gallagher, the International Law of Human Trafficking // *Human Rights Law Review*. 2012. Vol. 12, issue 3. P. 606–608. DOI: 10.1093/hrlr/ngs006.
- Riley S. Conundrums of Humanity: The Quest for Global Justice // *Human Rights Law Review*. 2008. Vol. 8, issue 4. P. 733–737. DOI: 10.1093/hrlr/ngn028.
- Shah N. A. Abdulaziz Sachedina, Islam and the Challenge of Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2011. Vol. 11, issue 1. P. 200–203. DOI: 10.1093/hrlr/ngq048.
- Smet S. On the Existence and Nature of Conflicts Between Human Rights at the European Court of Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2017. Vol. 17, issue 3. P. 499–521. DOI: 10.1093/hrlr/ngx016.

References

- Amos, M., 2015. The Second Division in Human Rights Adjudication: Social Rights Claims under the Human Rights Act 1998. *Human Rights Law Review*, 15(3), pp. 549–568. DOI: 10.1093/hrlr/ngv015.
- Bekker, G., 2013. The African Commission on Human and Peoples' Rights and Remedies for Human Rights Violations. *Human Rights Law Review*, 13(3), pp. 499–528. DOI: 10.1093/hrlr/ngt019.
- Berry, S. E., 2011. Bringing Muslim Minorities within the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination – Square Peg in a Round Hole? *Human Rights Law Review*, 11(3), pp. 423–450. DOI: 10.1093/hrlr/ngr014.
- Besson, S., 2006. The European Union and Human Rights: Towards A Post-National Human Rights Institution? *Human Rights Law Review*, 6(2), pp. 323–360. DOI: 10.1093/hrlr/ngl001.

- Chakravarty, A., 2017. Truth Commissions: Memory, Power and Legitimacy. *Human Rights Law Review*, 17(3), pp. 589–591. DOI: 10.1093/hrlr/ngx021.
- Dastoor, N. F., 2020. The Responsibility to Refine: The Need for a Security Council Committee on the Responsibility to Protect. *Harvard Human Rights Journal*, 22, pp. 25–62.
- Deinla, I., 2019. Legal Hybridity, Trust, and the Legitimacy of the Shari'ah in the Bangsamoro. *Law and Policy*, 41(2), pp. 198–219. DOI: 10.1111/lapo.12123.
- Dobratz, B., Waldner, L., 2019. *Power, Politics, and Society: An Introduction to Political Sociology*. London: Routledge. 875 p. ISBN-10: 1351392963.
- Eekelaar, J., 2002. Personal Rights and Human Rights. *Human Rights Law Review*, 2(2), pp. 181–197. DOI: 10.1093/hrlr/2.2.181.
- Fornalé, E., 2011. Making People Illegal: What Globalization Means for Migration and Law. *Human Rights Law Review*, 11(3), pp. 600–603. DOI: 10.1093/hrlr/ngr018.
- Grear, A., 2007. Challenging Corporate 'Humanity': Legal Disembodiment, Embodiment and Human Rights. *Human Rights Law Review*, 7(3), pp. 511–543. DOI: 10.1093/hrlr/ngm013.
- Harrison, B. C., 2022. *Power and Society: An Introduction to the Social Sciences*. Oxford: Oxford University Press. 434 p. ISBN: 0495096717.
- Helliwell, J. F., 2002. *Globalization and Well-Being*. Vancouver: UBC Press. 107 p. ISBN: 0774809922.
- Helliwell, J. F., 2009. *Well-Being and Public Policy*. Vancouver: UBC Press. 212 p. ISBN: 0195334078.
- Hodžić, E., 2020. Testing the Limits of Consociational Imagination: The Non-discrimination Norm in Divided Societies. *Human Rights Law Review*, 20(3), pp. 526–554. DOI: 10.1093/hrlr/ngaa029.
- Kanosue, Y., 2015. When Land is Taken Away: States Obligations under International Human Rights Law Concerning Large-Scale Projects Impacting Local Communities. *Human Rights Law Review*, 15(4), pp. 643–667. DOI: 10.1093/hrlr/ngv026.
- Kuhn, P. Y., 2019. Reforming the Approach to Racial and Religious Hate Speech Under Article 10 of the European Convention on Human Rights. *Human Rights Law Review*, 19(1), pp. 119–147. DOI: 10.1093/hrlr/ngz001.
- Maitra, I., McGowan, M. K., 2010. On Racist Hate Speech and the Scope of a Free Speech Principle. *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*, 23(2), pp. 343–372.
- Merry, S. E., Davis, K. N., Kingsbury, B., 2017. The Quiet Power of Indicators: Measuring Governance, Corruption, and Rule of Law. *Human Rights Law Review*, 17(1), pp. 196–202. DOI: 10.1007/9781139871532.
- Milano, V., 2017. The European Court of Human Rights' Case Law on Human Trafficking in Light of L. E. v Greece: A Disturbing Setback?

- Human Rights Law Review*, 17(4), pp. 701–727. DOI: 10.1093/hrlr/ngx031.
- Mittelman, J. H., 2017. Reimagining Globalization: Plausible Futures. *Globalization: Past, Present, Future*, 4, December, pp. 320–332. DOI: 10.1525 /luminos.172.u.
- McGoldrick, D., 2005. Multiculturalism and its Discontents. *Human Rights Law Review*, 5(1), pp. 27–56. DOI: 10.1093/hrlrev/ngi002.
- McGoldrick, D., 2016. The Development and Status of Sexual Orientation Discrimination under International Human Rights Law. *Human Rights Law Review*, 16(4), pp. 613–668. DOI: 10.1093/hrlr/ngw030.
- Nour, A., 2020. National Sovereignty and Globalization. *European Journal of Economics, Law and Politics*, 7(3), pp. 2–13.
- Obokata, T., 2012. Anne Gallagher, The International Law of Human Trafficking. *Human Rights Law Review*, 12(3), pp. 606–608. DOI: 10.1093/hrlr/ngs006.
- Riley, S., 2008. Conundrums of Humanity: The Quest for Global Justice. *Human Rights Law Review*, 8(4), pp. 733–737. DOI: 10.1093/hrlr/ngn028.
- Shah, N. A., 2011. Abdulaziz Sachedina, Islam and the Challenge of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 11(1), pp. 200–203. DOI: 10.1093/hrlr/ngq048.
- Smet, S., 2017. On the Existence and Nature of Conflicts between Human Rights at the European Court of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 17(3), pp. 499–521. DOI: 10.1093/hrlr/ngx016.

Информация об авторе / Information about the author

Кича Мария Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 344038, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, д. 66).

Maria V. Kicha, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Theory and History of Law and State Department, Rostov Branch, Russian State University of Justice (66 Lenin Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 06.06.2024.

The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 06.06.2024.